

Экофилософ из степной глубинки

Е. А. Шапочка

Николай Федорович Щербина (1821-1869) родился в Таганроге. Из Таганрогской гимназии вышел в 1839 году, не окончив полного курса.

«И счастлив, что незнаем был в сие комическое время!» – писал поэт и философ Николай Федорович Щербина. «Незнаемым» автором во многом он остается и ныне, хотя и величина дарования, и масштаб его личности говорят о том, что забыт Щербина незаслуженно. В наши дни смыслы, заложенные желчным и заикающимся человеком из степной российской глубинки полтора века тому назад, приобретают первостепенное значение. В мироощущении Николая Щербины Бог и природа неразделимы. Царства живой и неживой материи сливаются в то, что наши прадеды называли твердью земной и небесной. Перед солнцем все равны и все имеют равное право на жизнь – дрозofiла, птица, человек. В наши дни многие понимают, что если этим пренебрегать, то человечество скатится к новому варварству.

Николай Федорович Щербина родился незадолго до Рождества 1821 года в степном поместье Грузко-Еланченское, что в 60 километрах от Таганрога, в семье обедневшего донского дворянина-помещика. Название поместья происходило от речушки с таким же названием, что течет в 40 километрах от Мариуполя. Примета этих мест в наши дни – сохранившееся с начала XIX века село Гусельщиково. Отец Николая Щербины был малоросс (украинец. – авт.), а мать – дочь гречанки.

Раннее детство, проведенное среди природы южных степей, наложило отпечаток на характер и мировосприятие будущего поэта. В заметках краеведа А. Проценко «Малая родина поэта» находим такие воспоминания Николая Щербины: «Семи лет выучившись читать, я принялся за книги. У нас в степи их было очень мало, и читал все одно и то же сотни раз. И теперь еще помню некоторые из них, именно: письмовник Курганова с прозой и стихами», Всемирный путешественник и Эзоповы басни... А вокруг меня расстилалась южнорусская степь с ее ягодами и роскошными травами, река...».

«Приехав из глубокой степи в портовый город и увидев в первый раз море, я заплакал слезами умиления и восторга. Выехав из дикой пустыни, по которой только проходят порою кочующие орды, и видеv впервые город с кипящею жизнью, море, покрытое разноцветными флагами судов, цивилизацию, я был так поэтически очарован, что весь сосредоточился в самом себе, в радужных кругах воображения и чувства...».

А. Проценко побывал на малой родине поэта в кавун 180-летия со дня его рождения и описал свои впечатления. Неудомимому краеведу не значившееся в современных справочниках местечко Грузко-Еланченское удалось отыскать на карте «Лоция Азовского моря» за 1855 год. Чтобы продолжить это разыскание, ехать пришлось в самое близкое к искомому селение Гусельщиково. Как часто бывает, выручили Аркадия Проценко старожилы. Девяностолетняя Полина Михайловна указала, где могло находиться Грузко-Еланченское поместье. Старая забытая дорога, пологая балка, следы фундамента, репейник да лебеда – вот что открылось взору искателя: «Вот он, щербиновский поселок! ... Заросший травой, долгие годы не привлекавший к себе внимания, а потом запаханный тракторами, он исчез с лица земли. И все-таки есть одна примета, которая роднит «век нынешний и век минувший», и именно она притягивает взоры бывавших здесь людей. Это необъятная приазовская степь с терпким запахом полыни и жаворонком в небе».

Другим обстоятельством, повлиявшим на развитие мальчика, было греческое происхождение его бабки, связанной родством с пелопонесскими греками. Память предков, а также бабка и мать мальчика привили ему увлечение греческой культурой и языком. Восьмилетнего Николая родители, переехавшие в Таганрог, определили в уездное училище, а еще через два года – в коммерческую гимназию. Учеба в гимназии, где одним из основных предметов

был греческий язык, безусловно, способствовала развитию этого интереса. В десятилетнем возрасте Николай без затруднений читает «Илиаду» Гомера в подлиннике, создает первые серьезные стихотворения. В тринадцать лет он пишет не дошедшую до нас поэму «Сафо», позже появляются драмы «Осада Инсары», «Ксанфо». Среди гимназистов юноша приобретает известность как автор шуток и острот.

В 1838 году произошло событие, решительным образом повлиявшее на дальнейшую жизнь молодого человека. В весьма популярном в позапрошлом веке толстом журнале «Сын Отечества» таганрогский гимназист увидел напечатанным свой сонет «К морю». Это так впечатлило юное дарование, что в следующем году, не окончив гимназии, он уехал в Москву, чтобы поступить в университет, но потерпел неудачу. Для Николая наступил тяжелый период. К тому же в это время ухудшилось материальное положение родителей, и теперь в Москве он остался один, без поддержки, без содержания. Чтобы продолжить образование, молодой человек переезжает в Харьков, где жить было проще, где учились многие его земляки. Там он становится студентом юридического факультета Харьковского университета. Но тщетно – безденежье направляет поэта по другому пути: Николай сдает экзамен на домашнего учителя и следующие десять лет живет на Украине, зарабатывая частными уроками в близлежащих деревнях и в Харькове. В эти годы он переживает нужду, лишения, насмешки, а также несчастную любовь. Трудный период вхождения в зрелость сказался на творчестве Николая и на его характере. В нем странным образом сочетались замкнутость с человечностью, ранимость с желчностью и язвительностью. Отсюда идеализм его антологических стихов и беспощадность эпиграмм.

Трудное десятилетие закончилось выходом в 1850 году в Одессе, куда поэт переехал годом раньше, первого сборника «Греческие стихотворения», принесшего автору российскую известность. Крупнейшие журналы того времени – «Отечественные записки», «Москвитянин», «Сын Отечества» – публикуют положительные отзывы. 24 июля 1850 года Некрасов пишет Щербине: «Надо Вам сказать, что Ваша книжка как по достоинству своему, так и по успеху в публике – есть в настоящее время что-то исключительное».

Чем объясняется успех «Греческих стихотворений»? Антологические стихотворения с обращением к древнегреческой истории и мифологии были популярны в то время. Сказывалось и то, что классическая древность была знакома большинству образованных людей того времени, и то, что поэзия все еще тяготела к архаичным формам. К антологической поэзии обращались в разные периоды Майков и Фет, Гете и Шиллер. Щербина влил новое вино в старые меха. В отличие от других авторов, он использовал древнегреческие мотивы для выражения чувств и мыслей своих современников.

*Но классические грезы,
Грезы вечные людей!
Вас питают и морозы
Бедной родины моей,*

– пишет он в стихотворении «Нимфа вьюги». Сказались детство и отрочество Николая Федоровича, проведенные в Таганроге – на берегу древней Меотиды, учеба в гимназии, в которой было много детей из греческих семей, сказались происхождение его матери. Эта органичность сочетания классических форм и современности притягивала читателя.

На волне успеха Щербина в 1850 году переезжает в Москву, где поступает на государственную службу как помощник редактора газеты «Московские губернские ведомости». Материальное положение улучшается, что дает возможность сосредоточиться на творчестве. Он продолжает сотрудничать с журналами «Современник» и «Москвитянин». В этот творческий период поэт был предоставлен самому себе, не придерживался какого-либо литературного течения. Он писал звучные и красивые антологические стихи и стихи о природе, являющиеся «визитной карточкой» поэта в наши дни, делающие его близким и понятным современному читателю.

В 1851 году выходят «Новые греческие стихотворения», а 1857 году – поэтический двухтомник как вершина его пятнадцатилетнего творчества. Неожиданно на сборник статьей «Стихотворения Николая Щербины» откликнулся Н. Г. Чернышевский, отметивший наряду с уже традиционными для поэта древнегреческими мотивами гражданственность и гуманность некоторых его стихотворений. Приходится сожалеть, что критика того времени мало обратила внимания на стихи о природе. Цикл «Песни о природе» получил соответствующую оценку только в наше время. В этом поэтическом собрании поэт выступает, выражаясь современным языком, экофилософом, проповедующим бережное отношение к природе, равноправие в общении с ней, то есть пантеистическую любовь к миру, когда природа и все сущее есть Бог:

*Тогда одним живущим существом
Я вижу мир перед собою,
И многое скрывается в одном,
И дышит общею душою.*

Или:

*Мне будут сестрою и братом
И роза, и ветер, и море:
Одна напоит ароматом
Другие умчат мое горе.*

В своих пантеистических стихотворениях Николай Федорович вольно или невольно развивает идеи гуманистов эпохи Возрождения и предвосхищает концепции мыслителей XX века. Что легло в основу такого мироощущения Щербины? Кажется, все те же годы, проведенные среди южнорусской природы на берегу Таганрогского залива. Тем более что дальнейшая жизнь поэта протекала преимущественно в городах, жизнь в которых не способствует общению с природой.

В марте 1855 года Николай Федорович Щербина переехал из Москвы в Петербург, где был назначен чиновником особых поручений при товарище министра народного просвещения князе П.А. Вяземском. Положение его наконец-то упрочилось. Позднее Щербина перевелся в одно из управлений Министерства внутренних дел, где прослужил до самой смерти.

В это время он обращается к жанру эпиграммы. Обращение это не случайно: родина эпиграммы – все та же Древняя Греция. В 1857 году Щербина издает «Альбом ипохондрика, собрание эпиграмм, ямбов...». Творческую историю его эпиграммы на Нестора Кукольника приводит в документальной повести «На берегах Тамаринды» П. П. Филевский. В конце 1860-х годов в Таганроге между Нестором Кукольниковым и неким Дросси произошел следующий разговор:

«← Я слышал <...>, что наш поэт (Н. Щербина. – авт.) тяжело болен.

– Возможно, – заметил Кукольник, – но я с ним не переписываюсь. Он меня не любит и, воспользовавшись моими словами, что я теперь экс-писатель, экс-чиновник, по моему адресу сочинил такую эпиграмму:

*Хоть теперь ты ех-писатель,
Ех-чиновник, ех-делец
И казны ех-собиратель –
Все же ты не ех-подлец!*

– Это только показывает, – грустно сказал Нестор Васильевич, – что он не достиг цели. Этот пасквиль по адресу не дошел, никто меня тут не узнал, потому что я никогда таким не был. Мне говорили, что Николай Федорович мучился потом. Бог с ним, человек он жел-

чный, но в душе добр; он о многих так несдержанно писал, а потом не знал, как вину свою загладить».

По словам Филевского, Нестор Кукольник, к чести своей, о даровании Щербины отзывался так: «... поэт цельный, натуральный; у него все из глубины его собственного я, а это хорошо даже у посредственности, а при даровании это истинная поэзия».

Примечательны эпиграммы Щербины на А. Н. Майкова и Я. П. Полонского. Удивительно, что и в этом жанре, не тяготеющем к философичности, Н. Ф. Щербина осмеливается выступать как философ. Например, он пишет:

*У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки...
Мы - европейские слова
И азиатские поступки.*

У П. П. Филевского в его «На берегах Тамаринды» находим некоторое объяснение того настроения, которое часто овладевало поэтом. «Я всегда, – говорил Николай Щербина, – женщину представлял отвлеченно и увлекался ею до самозабвения, до иссушающей страсти. Сначала я сгорал от страсти плотской, потом благоговел перед красотой нравственной, но перейти к действительности и осуществить идеал красоты среди окружающих женщин не мог. Я перестал быть весельчаком, стал ипохондриком. Когда я был в нужде, я был счастлив; когда мое положение улучшилось, я потерял благодущие».

О неуютном характере Щербины свидетельствовали многие знавшие его лично. В воспоминаниях поэта и переводчика Николая Васильевича Берга находим описание известного московского салона графини Раstopчиной. Берг писал: «В числе лиц, появившихся у графини <...>, был довольно известный поэт тех времен Николай Федорович Щербина, прибывший в Москву с юга России, кажется, из Одессы, <...>, маленький, неказистый, напоминавший грека, которым и был по матери. Отсюда его ранние симпатии к Греции, к ее мифологии и первые стихи, где на каждом шагу встречаешься или с Эгейским морем, или с Хиосом, с Мореей, с Зевесом и Аполлоном.

Щербина имел несомненный поэтический талант, который разменял на мелкую монету: все кусочки, небольшие отрывочки, намеки, напоминания... а серьезного ничего нет; как человек, по темпераменту до крайней степени раздраженный, болезненно самолюбивый, хотевший славы, поклонения и не видевший ни от кого в Москве (менее всего от нашего кружка) даже обыкновенных симпатий и приязни, более всех терявшийся в толпе, не любимый ни женщинами, ни мужчинами, формально ни с кем не умевший сойтись по-приятельски, искренне – он постоянно кипел и клокотал, точно маленький вулканчик, ходил ходенем, как земля его предков, от множества скрытых в ее почве огней – и стал, не замечая сам, как это делается, извергать поминутно против всех выдающихся сколько-нибудь личностей, тихих и спокойных, никогда ничем его не обижавших (разве обижавших полным к нему равнодушием), разные едкие сатиры, двустушия, четверостишия, сочинял так названные им акафисты. Все это отзывалось талантом, имело зачастую форму самую изящную, легко запоминалось, повторялось целым городом, но тем не менее – было бранью, сатирой, памфлетом, выжимками недовольства, оскорбленного самолюбия – и еще больше отталкивало гостей от хозяев».

В известном дневнике Елены Андреевны Штакеншнейдер (дочери известного архитектора А.И. Штакеншнейдера, автора проекта особняка для Н. Д. Алфераки в Таганроге) находим оценочные записи о поэте: «Щербина и не имеет претензий быть светским человеком и знать все приличия светского человека; не будь он поэтом, то, вероятно, он бы и не бывал никогда в тех домах, где бывает...».

Однако мемуары о Николае Щербине донесли до нас не только его неуживчивость, мрачность настроения. Александр Павлович Чехов, прозаик и журналист, назвал Щербину южанином с положительным направлением, который прославился, «помимо своих стихотворений, также и сборником «Пчела», бывшим в свое время в большом ходу среди читающей

публики».

Николай Федорович Щербина бывал в доме отца Чеховых в свои таганрогские приезды. По мнению Александра Чехова, «это был веселый и симпатичный человек, разговор которого все слушали с большим удовольствием». К собеседнику он был снисходителен даже в тех случаях, когда тот говорил глупости. В своих воспоминаниях Ал. П. Чехов приводит интересный случай, свидетелем которого был сам: «Однажды в городском саду некий Андрей Андреевич, старавшийся прослыть умником, а потому и говоривший всегда глупости, пресерьезно допрашивал Щербину, из какого металла сделана луна и растет ли на ней картошка. Николай Федорович не менее серьезно ответил, что это еще пока никому не известно, но что петербургская казенная палата намерена в скором времени отправить на луну для ознакомления двух коллежских регистраторов и одного прапорщика.

Потом Андрей Андреевич рассказывал об этом разговоре в кругу дам и снисходительно прибавлял:

– Я и не знал, накажи меня Бог, что Николай Федорович такой умный...».

При жизни таганрогское общество высоко ценило своего земляка. Литературно образованные гимназисты «интересовались им как поэтом». Многим было памятно его пребывание в городе во время бомбардировок в Крымскую войну. Тогда Николая Федоровича как человека, знающего языки и вполне надежного, умеющего неприятелю ответить «правильно и с достоинством», включили в число парламентаров наряду с Дмитрием Петровичем Война и бароном Франком.

В 1861 году поэт предпринял путешествие в Европу. Он увидел Германию, Францию, Италию, Швейцарию, Англию, но, этому трудно поверить, так и не побывал в обожаемой им Греции. Из Европы Щербина привез лирический цикл «Русские песни на чужбине» и, как ни странно, славянофильские убеждения. Он пишет: «Поездка за границу окончательно утвердила меня в русофильстве...». Это привело к разрыву с «Современником», нападкам на Чернышевского и забвению в советский период нашей истории. Поэт был признан «реакционным», ибо критиковал радикально настроенных революционеров-демократов, подрывающих устои государства.

Умер Николай Федорович в 1869 году внезапно, от удушья, вызванного полипом в горле. Журнал Министерства народного просвещения посвятил его памяти статью. Незадолго до кончины поэта распоряжением ученого комитета этого же министерства сборник стихов под заглавием «Пчела», составленный Щербиною, был признан «как вполне заслуживающий одобрения и поощрения». Его разрешили «к употреблению в гимназиях, прогимназиях и уездных училищах, в виде учебного пособия», то есть для народного чтения, а также рекомендовали для раздачи в награду ученикам уездных и начальных народных училищ и ученицам женских училищ ведомства Министерства народного просвещения.

В таганрогской городской библиотеке сохранилось несколько книг из личной библиотеки поэта. Это «Народные южнорусские песни», изданные в Киеве Амвросием Метлинским, отдельное издание летописи преподобного Нестора по Кенигсбергскому списку, «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». На книгах – энергичная, крупным почерком надпись: «Н. Щербина».

Похоронен Н. Ф. Щербина в Петербурге на старом кладбище Александре-Невской лавры рядом с композиторами Серовым и Даргомыжским. Над его могилой стоял «чистенько содержимый памятник из серого мрамора».

Рассказ о короткой, многотрудной, яркой жизни Николая Щербины увязывается со строками его стихотворения «Миг»:

*Счастливы мы, что живем,
Что родились, друзья-человеки!
Горе не жившим, и горе отжившим!*